

ДЕТЕКТИВ ИЗ ЗАЛА СУДА

СТИВ КАВАНА

ЗАЩИТА



Москва
2019

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44
К12

Steve Cavanagh

THE DEFENCE

Copyright © Steve Cavanagh 2015

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на суперобложке *Филиппа Барбышева*

Кавана, Стив.

К12 Защита / Стив Кавана. — Москва : Эксмо, 2019. —
384 с. — (Детектив из зала суда).

ISBN 978-5-04-099082-5

Стив Кавана — не только блестящий адвокат, но и выдающийся писатель. Он — новая звезда мирового детектива и триллера. Его романы характеризуются сумасшедшей динамикой и вместе с тем четкой, выверенной адвокатской логикой. Эти книги читаются буквально на одном дыхании. Которое часто перехватывает — то от ужаса, то от восторга...

Некогда Эдди Флинн был вором и мошенником. Затем стал адвокатом. Оказалось, что особой разницы между тем и этим нет.

Поэтому уже год как Эдди поклялся больше никогда не переступить порог зала судебных заседаний. Но клятву пришлось нарушить. Да и как тут не нарушишь, когда к твоей спине привязали взрывчатку, а единственную 10-летнюю дочь взяли в заложники? Флинн должен выиграть безнадежный процесс для главы русской мафии Нью-Йорка, которого обвиняют в убийстве. На все про все у него 48 часов. И это будет главная защита в его жизни...

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Артём Лисочкин, перевод
на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099082-5

Сначала казнь, приговор —
потом!

*Льюис Кэрролл
«Приключения Алисы
в Стране чудес»*

Глава 1

— Делайте в точности как говорю, иначе получите пулю в хребет.

Голос мужской, акцент какой-то восточноевропейский. Ни дрожи, ни других намеков на волнение. Тон ровный и взвешенный. Не угроза — простая констатация факта: если не подчинюсь, меня пристрелят.

Электризирующее давление ствола, плотно прижатого к пояснице, ни с чем не спутаешь. Первым побуждением было резко надавить на него спиной и крутнуться влево, чтобы отвести выстрел в сторону. Парень наверняка правша, так что слева естественным образом открыт. Можно было бы в момент разворота достать его локтем в рожу, а потом сломать запястье и залепить в лоб его же собственной вольной. Старые инстинкты, но только вот парня, который сумел бы все это проделать, со мной больше нету. Похоронен вместе с моим собственным прошлым. Раскисаю помаленьку... Вот так-то все и происходит, когда завязываешь.

Журчание воды, изливающейся на фаянс, умолкло будто само по себе — на ручку крана я вроде не нажимал. Поднимаю руки, почувствовал, как дрожат пальцы.

— Не стоит, мистер Флинн.

Знает, как меня зовут... Уцепившись за раковину, я поднял голову и глянул в зеркало. В жизни этого парня не ви-

дел. Высокий, худощавый, поверх черного костюма — коричневое пальто. Башка бритая, из-под левого глаза к низу челюсти вертикально сбегает шрам. Вдавливая ствол мне в спину, он продолжил:

— Двигайте из туалета, я за вами. Забирайте пальто, расплачивайтесь. Выйдем вместе. Надо поговорить. Если сделаете как я сказал, все будет нормуль. Не сделаете — вы труп.

Сцепились взглядами. Никакой тебе возбужденной красноты на лице или шее, никаких произвольных движений, вообще ничего наружу, ни единой «подсказочки» — могила. Вора я сразу узнаю, когда увижу. Узнаю по повадкам. У самого такие долго были. Однако парень — не вор. Это убийца. Впрочем, далеко не первый убийца, которому вздумалось на меня наезжать. Помнится, в последний раз я тоже легко вышел сухим из воды, поскольку сохранил способность мыслить и не поддаваться панике.

— Пошли, — сказал он.

Отступил на шаг, приподнял ствол, чтобы я хорошенько рассмотрел его в зеркало. Вроде настоящий: тупорылый серебристый револьвер. С самой первой секунды я понял, что он не шутит, все по-серьезке, но при виде этой коротенькой злобной штуки в зеркале по коже горячей волной пробежал реальный страх. Грудь сжалась, а сердце замолотило, словно кто-то втопил педаль газа. Слишком уж долго не в теме... Ладно, придется просто мыслить, с паникой потом разберемся. Револьвер исчез в кармане пальто. Парень махнул рукой к двери. По ходу, разговор окончен.

— О'кей, — сказал я.

Два года на юридических курсах, два с половиной на подхвате у судьи, почти девять лет в качестве практикующего адвоката — а мозгов хватило только на какое-то несчастное «о'кей»! Вытер мокрые руки о зад штанов, наскоро пригладил всклокоченные русые волосы. Он проследовал за мной из туалета, а потом по абсолютно пустому

ныне залу закусочной — где я подхватил пальто, надел, подсунул под кофейную чашку пять «баков» и направился к дверям. Тип со шрамом неотвязно держался сзади едва ли не вплотную.

В закусочной «У Теда» мне лучше всего думается. Уж и не знаю, сколько судебных стратегий разработано в этих кабинках — за столиками, усыпанными медицинскими заключениями, фотками огнестрельных ранений и залитыми кофе заметками по уголовным делам. В давние времена никогда не стал бы завтракать в одном и том же месте два раза подряд. Стрёмно. В новой же жизни обрел вкус к повседневной размеренной рутине, частью которой стали завтраки у Теда. Вконец расслабился, перестал оборачиваться через плечо... Вот закономерно и вляпался. Если б не жевал сопли, засек бы его еще на входе.

Выйдя из тесной закусочной в самое сердце большого города, на миг ощутил себя в безопасности. На тротуарах полно делового люда — понедельник, утро, все еще только спешат на работу, под ногами твердая надежная брусчатка. Не будет же этот парень стрелять в меня чуть ли не посреди Нью-Йорка, на Чеймберс-стрит, в половину девятого утра на глазах у трех десятков свидетелей! Встал слева от закусочной, напротив заколоченного окна заброшенной скобяной лавки. Почувствовал, как краснеет лицо под щипками ноябрьского ветра. Что этому хрену надо? Я проиграл когда-то его дело? Но точно такого не припомню. Парень со шрамом подошел, встал чуть ли не вплотную — так, чтобы между нами не вклинились прохожие. На бесстрастной физиономии трещиной прорезалась широкая ухмылочка, причудливо изогнув рассекающий щеку шрам.

— Расстегните пальто и загляните внутрь, мистер Флинн.

Руки опять стали какими-то чужими. Неуклюже пошарил в карманах. Ничего. Распахнул пальто полностью. Заметил внутри какую-то прореху — словно шелковая под-

кладка вдруг отпоролась по шву. Нет, не прореха. Не сразу понял, что под пальто поддето нечто вроде тонкой черной рубахи или жакета — прямо как вторая подкладка. Не было ее раньше! Должно быть, этот малый просунул ее в рукава пальто, пока я прохлаждался в туалете. Вывернул руку, просунул дальше, за спину, и наткнулся на закрытый на липучку клапан где-то внизу, возле самой поясицы. Карман! Подтянул его к себе, чтобы рассмотреть получше, оторвал липучку, сунул руку внутрь и нащупал какую-то свободно болтающуюся толстую нитку.

Потянул ее из потайного кармана. Но это была не нитка.

Это был электропровод.

Красный электропровод.

Пальцы добежали по нему до какой-то небольшой пластмассовой коробочки, тоже опутанной проводками, а потом наткнулись на две длинных прямоугольных выпуклости, выступающих из жакета по обеим сторонам спины.

Дыхание пресеклось.

Я напялил на себя бомбу. Сам напялил.

И он вовсе не собирался застрелить меня посреди Чеймберс-стрит на глазах у тридцати свидетелей. Он задумал меня тут взорвать — заодно с бог еще знает какой кучей народу!

— Не вздумайте бежать, иначе я приведу это устройство в действие. Снять тоже не пытайтесь. Не привлекайте к себе внимания. Меня зовут Артурас.

Так, гад, и произнес с расстановочкой и акцентом: «Арторас», продолжая все так же лыбиться во всю ширь.

Я хватанул отдающего металлом воздуха, едва заставил себя хотя бы выдохнуть помедленней.

— Спокойно, — сказал Артурас.

— Чего тебе надо? — спросил я.

— Мой работодатель нанял вашу фирму представлять свои интересы. У нас с вами кое-какие неоконченные дела.

Страх чутка отпустил — выходит, это не ко мне. Какая-то предьява к моей бывшей юридической фирме, и я, пожалуй, просто переведу стрелки на Джека Холлорана.

— Извиняй, братан. Это давно уже не моя фирма. Не на того наехал, попутал. Кстати, а на кого работаешь?

— Думаю, что это имя вам должно быть известно. На мистера Волчека.

Мля. Он прав. Это имя я и вправду знал. Олек Волчек — главарь одной серьезной русской группировки. Мой бывший партнер, Джек Холлоран, согласился представлять его где-то за месяц до того, как мы с ним разбежались. Когда Джек взялся за дело, Волчек ожидал суда по обвинению в убийстве — какая-то там гангстерская разборка. Документов по делу я не смотрел, даже с самим Волчком никогда не встречался. Тот месяц я целиком посвятил защите Тома Беркли, биржевого маклера, по делу о предполагаемом покушении на похищение человека — делу, которое окончательно-то меня и доконало. Все тогда пошло наперекосяк. В итоге и семью потерял, и сам потерялся в бутылке с виски. Адвокатскую практику полностью забросил почти уже как год назад — вместе с жалкими клочками собственной души, — ну а Джек тогда был только рад получить мою юридическую фирму целиком. С тех пор как присяжные объявили вердикт по делу Беркли, ноги моей в суде не было, и возвращаться к старой работе в ближайшее время я отнюдь не собирался.

Джек — тот совсем другое дело. Больно уж азартен, игрок, и в этом-то его главная проблема. Недавно до меня доходили слухи, будто он подумывает продать фирму и куда-то слиться. Так что наверняка просто соскочил, а то и аванс Волчека прихватил до кучи. А коли русским бандюкам не найти Джека, то они решили отыскать меня — надо же с кого-то бабло стянуть? Обычное для такой публики дело. Когда у тебя бомба к спине примотана, не важно, банкрот ты или не банкрот... Ладно, добуду я ему эти сра-

ные бабки. Все будет путем. Просто откуплюсь от этого кента. Он же не террорист какой-нибудь — обычный бандит. Бандиты не взрывают людей, которые должны им денег. Они заставляют платить.

— Послушай, на самом-то деле тебе нужен Джек Холлоран. Лично я в жизни не встречался с мистером Волчеком. И мы с Джеком больше не партнеры. Но ладно: если хочешь получить обратно аванс, буду только рад прямо сейчас выписать тебе чек.

Чек-то он чек, только вот что они по нему получат? На счету у меня всего-то чуть больше шестисот долларов, платежи за квартиру просрочены, да плюс неоплаченные счета за медицинскую реабилитацию — тут уж вынь да положь. Поступлений нет и не предвидится. Основная проблема — эта самая медицина. Ценники у них запредельные, но если учесть, сколько виски я не так давно выжирал за день, то попросту помер бы, если б вовремя не залег в больничку. Пока мне там вправляли мозги, понял, что для того, чтобы навсегда выжечь память о том, что случилось с делом Беркли, никакого «Джека Дэниелса» не хватит. С бухлом в итоге бесповоротно завязал и буквально через пару недель должен был прийти к окончательному соглашению со всеми своими кредиторами. Всего через две недели готов был начать жизнь по новой. Если русским нужно нечто большее, чем несколько сот «баков», я в полной жопе. Расклад не из лучших.

— Мистеру Волчеку не нужны эти деньги. Можете оставить себе. В конце концов, вы же их честно заработаете, — сказал Артурас.

— В каком это смысле «честно заработаю»? Послушай, я больше не практикую. Почти год уже как не адвокат. Ничем не могу помочь. Аванс мистера Волчека верну, не вопрос. А теперь позволь-ка мне все-таки снять эту штуку, лады? — отозвался я, уцепившись за жакет и готовый в любой момент сорвать его с себя вместе с пальто.

— Нет. — Он покачал головой. — Вы меня не поняли, господин адвокат. Мистер Волчек хочет, чтобы вы кое-что для него сделали. Вы все-таки *будете* его адвокатом, а он вам заплатит. И сделаете все, что требуется. Иначе больше вообще ничего не сделаете в этой жизни.

Когда я попытался заговорить опять, горло перехватила паника. Все это вообще ни в какие ворота не лезло. Джек ведь наверняка должен был сказать Волчеку, что я соскочил, что я больше не при делах! В этот момент к тротуару подкатил длинный белый лимузин — совсем длинный, какие на всякие праздники обычно нанимают. В его сияющих полировкой боках, как в кривом зеркале, подергивалось мое искаженное отражение. Заднюю дверь открыли изнутри, отражение метнулось вбок и исчезло. Артурас встал рядом с открытой дверью и мотнул головой — залезай, мол. Я попытался взять себя в руки, делая глубокие вдохи, мысленно уговаривая сердце не частить и изо всех сил сдерживая тошноту — блевануть со стрёма еще только не хватало! Из-за глухо тонированных стекол нутро лимузина было совсем темным, словно доверху заполненным черной водой.

На мгновенье все вокруг будто застыло — остались только я и распахнутая дверь. Если побегу, то далеко не уйду — не выход. Ну а если влезть в лимузин и прижаться поплотней к Артурасу? Тогда он точно ничего не взорвет. В тот момент я буквально проклинал себя за то, что не поддерживал старые навыки на должном уровне, что дал им притупиться. Те самые навыки и умения, благодаря которым я мог развести, как лоха, любого адвоката с миллионными гонорарами еще до того, как сам пошел на адвокатские курсы; то самое искусство, которое помогло бы засечь этого парня, не успеет он еще подобраться ко мне и на десять футов...

Наконец я решился — полез в эту кроличью нору.

Глава 2

Усевшись, сразу почувствовал, как бомба впиалась мне в спину.

В задней части лимузина устроились четверо — включая Артураса, который влез следом за мной, захлопнул дверь и сел слева от меня все с той же неудобной полуулыбочкой. Я слышал пофыркивание мотора, но с места мы не двигались. В нос ударил запах сигарного дыма и новенькой кожаной обивки. Переднюю часть салона с водителем тоже отгораживало тонированное стекло.

На полу валялась большая кожаная сумка — с такими обычно в спортзал или качалку ходят.

Справа от меня на продольном диване, рассчитанном на шестерых, едва помещались еще два мужика в темных пальто. Ну просто нереально здоровенных, прямо какие-то сказочные персонажи. Первый — блондин, с конским хвостом на затылке. Второй, с коротким коричневым ежиком, — действительно огромный. Башка у него была размером с баскетбольный мяч, и здоровяк-блондин казался рядом с ним просто карликом. Но больше всего меня пугало выражение его лица, полностью лишенное каких-либо чувств и эмоций, — холодный, гнетущий лик полумертвой души. В воровском деле обычно полагаешься на свое умение видеть «подсказочки», полагаешься на способность управлять чужими эмоциями и прочими естественными человеческими реакциями. Но есть класс личностей, которые к обычным приемам в этом деле иммунны и которых каждый вор высокого класса способен сразу распознать. Распознать, дабы держаться от такой публики подальше. Это я о психопатах. Великан с темным ежиком выглядел, как классический психопат с первых страниц учебника.

Ну а прямо напротив меня расположился Олек Волчек собственной персоной. На нем был черный костюм поверх белоснежной рубашки с расстегнутым воротом. На

щеках — седоватая щетина, седина поблескивает и в волосах. На вид так вполне симпатичный малый, если б в глазах его столь ясно не кипела злобная жестокость, которая сразу же смазывала благоприятное поначалу впечатление от правильного и даже в чем-то красивого лица. Я сразу узнал его по газетам и телику — мафиозный босс, убийца, наркобарон.

И на хрена мне такой клиент?

С публикой вроде Волчека я имел дело всю свою жизнь. И дружки у меня такие были, и враги, и даже клиенты. И не важно, откуда, — из Бронкса, Комптона, Майами или Маленькой Одессы. Такие ребята уважают только одну вещь на свете — силу. И как бы я ни был на самом деле напуган, ни в коем случае нельзя этого ему показывать, иначе я мертвец.

— Я не работаю на тех, кто мне угрожает, — взял я быка за рога.

— У вас нет выбора, мистер Флинн. Я — ваш новый клиент, — сказал Волчек. Говорил он с сильным русским акцентом, на слегка ломаном английском, с такой же деланной ледяной вежливостью, как и Артурас.

— Иногда, как выражаются у вас в Америке, говно попадает в вентилятор. Можете винить в этом Джона Холлорана, если так вам легче, — продолжил он после паузы.

— Мне и без того хватает, в чем его винить. Почему он сам-то вас не представляет? Где он вообще?

Волчек бросил взгляд на Артураса, ответил на его несмыслимую улыбочку точно такой же ухмылкой, после чего опять посерьезнел и повернулся обратно ко мне:

— Когда Джек Холлоран брался за мое дело, то сразу сказал: выиграть нереально. А я и без него это знал. Уже четыре адвокатские конторы смотрели дело, еще до Джека. И все-таки он иногда способен на то, что другие адвокаты не могут. Я заплатил ему, дал работу... К сожалению, Джек не сумел выполнить обязательства со своей стороны.

— Какая жалость. Но я-то тут не при делах, — отозвался я, из всех сил стараясь не выдать свое взвинченное состояние голосом.

— А вот тут-то вы ошибаетесь, — сказал Волчек. Достал из лежащей на сиденье золотой шкатулки шоколадного цвета сигарку, откусил кончик, поджег. — Два года назад заказал я одного парня, Марио Геральдо его звали. Попросил Малютку-Бенни разобраться. Бенни все чисто обделал, замочил парня. А потом, когда его сцапали, стал распускать язык в ФБР. Теперь на суде Бенни готов сдать меня, как заказчика. С кем бы из адвокатов я ни говорил, все в один голос твердят: для стороны обвинения Бенни — настоящая находка, ну прямо звезда, а не свидетель. Его показания меня утопят. Нет никаких сомнений.

Челюсти у меня так сжались, что даже заболели.

— Бенни сейчас в фэбээровской крытке. Упакован так, что ни подкатишь, ни просто не найдешь. Защита свидетелей и все такое. Даже при моих контактах ничего не вышло. Вы единственный, кто сумеет к нему подобраться, — как мой адвокат.

Понизив голос, Волчек продолжал:

— До перекрестного допроса Бенни просто снимете жакет, а когда суд уйдет на перерыв, мы прилепим бомбу под его стул на трибуне для свидетелей. Как Бенни опять туда сядет, так сразу и взлетит на воздух. Нет Бенни — нет дела, нет больше проблем. А взрывником будете как раз вы, мистер Флинн. И это вы отправитесь в тюрьму. Для повторного рассмотрения обвинению не хватит доказательств, и я ухожу чистеньким.

— Ты совсем охерел, — проговорил я.

Волчек поначалу никак не отреагировал. Не взорвался от злости, не стал сыпать угрозами. Секунду просто сидел, склонив голову набок, словно что-то прикидывал. Не слышалось ни звука — только мое собственное сердце сумасшедше барабанило в груди. Не заработал ли я только что пулю? Я все никак не мог отвести глаз от Волчека, но

чувствовал, как все остальные тоже уставились на меня — скорее, с каким-то недоуменным любопытством, как смотрят на парня, который только что сунул пальцы в банку со змеями.

— Гляньте-ка лучше сюда, прежде чем принять окончательное решение, — сказал Волчек, кивая Артурасу.

Тот подхватил спортивную сумку, открыл.

Внутри была голова Джека.

Желудок у меня судорожно сжался. Рот наполнился слюной. Я рыгнул, прикрыл рот ладонью, закашлялся. Сплюнул, безуспешно пытаюсь собрать воедино рассыпавшиеся чувства и с такой силой вцепившись в сиденье, что ногти оставляли следы на кожаной обивке. Если до этого и был какой-то фасад деланого спокойствия, то теперь он улетучился без следа.

— Мы думали, что как раз Джек-то все это и проделает. Ошибочка вышла. Но с вами мы на случайку ставить не будем, мистер Флинн, — произнес Волчек, откидываясь на спинку сиденья. — У нас ваша дочка.

Время, дыхание, кровь, движение — все остановилось.

— Если ты посмеешь хотя бы пальцем...

Он вытащил из брючного кармана телефон, развернул ко мне экраном. Эми стояла на темном перекрестке возле какого-то газетного ларька. Девочка моя!.. Ей всего десять. И вот я вижу, как она стоит где-то в Нью-Йорке, зябко кутаясь в собственные руки и опасно поглядывая в камеру. За спиной у нее видать газетный заголовок про какой-то сухогруз, затонувший в Гудзоне субботним вечером.

Я даже не сознавал, что буквально обливаюсь потом, — рубашку хоть выжимай, лицо и волосы тоже мокрые. Мне было уже плевать на бомбу, на пистолет — да и на пару безгласных гигантов, пляющихся на меня своими мертвыми глазами, плевать тоже.

— Отпусти ее, и я дам тебе пожить еще, — прошипел я.

От этого заявления Волчека вместе с его поддужными только прошиб смех. Они знали меня только как Эдди